

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

:

Peeters-Podgaevskaja, A.V.

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):
Peeters-Podgaevskaja, A. V. (2008).

:

Amsterdam: Pegasus

General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <http://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

2 ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРЕДЛОГАМ В И НА ПРИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБЪЕКТАХ-ЛОКУМАХ

2.1 Исследования по локативным отношениям и попытки объяснения проблемы вариативности

Общеизвестно, что предлог В в своем пространственном значении употребляется для выражения идеи нахождения в объемах или погружения во что-либо, а предлог НА – для выражения идеи контакта с двухмерными, плоскостными объектами или расположения на поверхности чего-либо. Однако, если взглянуть на природу и ментальную репрезентацию большинства локумов, с которыми взаимодействует человек и в пределах которых он обитает, то мы увидим, что они далеко отстоят от того четкого противопоставления, которое было намечено выше. Так, *степь* никак нельзя помыслить себе как закрытый объем, однако носитель русского языка говорит *в степи*, а *почта*, будучи помещением, употребляется, казалось бы, совершенно неожиданно с НА, как будто представляет собой открытую площадку.

1 Такие «несоответствия» между языком и действительностью вынуждали филологов и кодификаторов каким-то образом описывать классы слов и категории пространственных объектов, которые должны употребляться с одним или с другим предлогом. Так, уже Ломоносов в своей «Российской грамматике» вскользь замечает, что предлог В употребляется с землями, государствами, городами, деревнями и монастырями, а предлог НА – с полями, морями, островами и названиями улиц. Внимания заслуживает его наблюдение, что городам, расположенным по рекам, полагается предлог НА: *на Москве весело* (Ломоносов 1975: 206-207).

Несколько подробнее на этом вопросе останавливается Антон Барсов, который в своей грамматике описывает не только нормативное для того времени употребление предлогов В и НА при некоторых пространственных объектах, но указывает на вариативность. Так, по Барсову, названия

земель, государств, островов-государств, городов, деревень, монастырей сочетаются с В, а названия морей, озер, гор, полей, малых островов, рек, городов, по рекам названным, улиц, дорог и гульбищ употребляются с НА. Барсов констатирует наличие колебаний в употреблении предлогов при названиях городов, когда они представляют собой лишь ориентир при движении, и у географического понятия *Русь* (Успенский 1981: 231-233).

Фонвизин в своем «Опыте российского сословника» отмечает, что употребления *живу на Москве, на Кубани, на Луговой, идем на рынок, на поле* и прочее, являются лишь данью обычаю, а правильно будет употреблять: *живу в Москве, в Кубани, в Луговой, идем в рынок, в поле* (Фонвизин 1959: 231). Однако сочетания *живу в Кубани* или *идем в рынок* так и не прижились в русском языке.

Таким образом, грамматики XVIII века отражают иные представления о некоторых пространственных объектах и несколько иную, по сравнению с современной, норму.

В середине XIX века правила употребления предлогов В и НА пытался определить Греч:

Предлоги *в* и *на* смешиваются иногда в употреблении, когда действие обращается не именно во внутренность и не именно на поверхность предмета... В этом случае можно положить следующие правила: когда действие обращается на предмет, состоящий из большой открытой плоскости, представляющей как бы одною своею поверхностью, преимущественно предлог *на*... Предлог *в* означает действительное, точное движение предмета в определенное место, во внутренность другого; *на* – движение приблизительное, не точное... (Виноградов, Шведова 1964: 83-84)

Однако примеры, им приводимые, не подтверждают его мысль, а указывают лишь на вариативность употребления предлогов при одних и тех же локумах: *в Миллионной* (улице) и *на Миллионной*; *в кухне* и *на кухне* и т.д.

2 Во второй половине XX века исследователи вновь обращаются к проблеме функционирования предлогов и описания локативных отношений

и, соответственно, затрагивают и тему употребления предлогов В и НА с винительным и предложным падежами.

Все достижения в этой области можно подразделить на диахронные исследования древнерусского и более поздних периодов развития языка, и на исследования синхронного среза, причем зачастую в сопоставлении с другими языками.

▪ Так, в фундаментальных обзорных исследованиях по истории русского предлога отводится, как правило, очень скромное место анализу закреплённости В и НА за определенными пространственными объектами (см. Ломтев 1956; Виноградов, Шведова 1964). Как правило, приводятся наиболее известные случаи в наиболее тривиальных контекстах.

В этой связи особняком стоит работа Ходовой «Падежи с предлогами в старославянском языке», где сделана попытка осмыслить типы объектов и способы их контакта с локумами. Автор различает, например, трехмерные и двухмерные «предметы», обладающие и не обладающие внутренним пространством (Ходова 1971: 65, 67), говорит о закрытых помещениях и поверхностях. Кроме того, она противопоставляет полное включение предмета или точки движения в другой предмет неполному включению и его разновидностям – контакту и касанию (Ходова 1971: 61, 98-100). Интересно, что подобный подход к исследованию материала применялся и при анализе английских предлогов (см. Bennett 1975; Lindkvist 1978), а позднее будет принят на вооружение когнитивной лингвистикой.

Несмотря на довольно поверхностный анализ употребления предлогов В и НА в обзорных трудах, практически везде обращено внимание на явление их вариативности при некоторых локумах. Сравнивая варианты параллельных мест в различных памятниках, Ходова отмечает колебания в выборе предлогов при одних и тех же существительных, представляющих собой названия городов, стран и мест:

Противопоставление в + лок. – на + лок. перестает быть действительным в тех случаях, когда бывает трудно решить, идет ли речь о полном или неполном включении одного предмета в другой. Практически это

случаи, когда в названии предмета не содержится однозначного определения свойств, связанных с его мерностью. В принципе в таких случаях могут быть употреблены обе формы без какого-либо различия в их семантике. (Ходова 1971: 69)

Поэтому употребление одной из форм от имен существительных, не имеющих отчетливой пространственной характеристики, по ее мнению, сохранялось по традиции, либо закреплялось по аналогии в условиях самых разнообразных лексико-грамматических условий контекста (Ходова 1971: 70).

Ломтев в «Очерках по историческому синтаксису русского языка» также отмечает случаи колебаний в употреблении при некоторых сооружениях, постройках, водоемах и населенных пунктах:

В последующей истории языка альтернативность оборотов «в плюс местный падеж» и «на плюс местный падеж» при обозначении пребывания в населенных пунктах была утрачена путем закрепления оборота «в плюс местный падеж» (жил «в» Москве) и отсеивания оборота «на плюс местный падеж» (жил «на» Москве). (Ломтев 1956: 312)

Однако причин подобной вариативности и ее снятия автор, к сожалению, не называет.

В «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX века» Виноградов и Шведова приводят не только примеры колебаний в употреблении предлогов В и НА из литературы XVIII – XIX веков (*в кухне и на кухне, в театре и на театре* и т.д.), но и называют авторов (Достоевский, Гончаров), которым было свойственно такое употребление, отличающееся уже в то время от нормативных тенденций, а также указывают временной отрезок, когда наметилась стабилизация. Среди причин вариативности авторы отмечают:

... изменения в значениях слов, в их употреблении, семантическая аналогия. Характерно, что такие колебания фиксируются в узком круте сочетаний – таких, в состав которых входят существительные, сочетающие в своем значении понятие о вместилнице с понятием о поверхности или понятие о месте с понятием о процессе деятельности. В истории таких сочетаний большую роль играла традиция, а также стилистический фактор. (Виноградов, Шведова 1964: 77)

Проблема, однако, в том, что практически всякий локум совмещает в себе представление о вместительности с представлением о поверхности, понятие о месте с понятием о функциональном взаимодействии. Так что и в данной работе не дано удовлетворительного объяснения специфики вариативности.

▪ Конкретные исследования по локативным отношениям, а также по функционированию винительного и предложного падежей дают нам гораздо лучшее представление об употреблении В и НА в предшествующие периоды языкового развития.

Станишева в своей работе «Винительный падеж в восточнославянских языках» совершенно правильно указывает, что с помощью предлогов В и НА изначально различалось положение внутри/движение вовнутрь и положение на поверхности/движение на поверхность (Станишева 1966: 101). Автор замечает, что правила употребления предлогов В и НА при пространственных объектах, сформулированные Ломоносовым и Гречем, совершенно не могут быть отнесены к древнерусскому материалу, где наблюдается или «неустановленное употребление», или иное по сравнению с современным периодом. Так, названия гор, морей и островов часто встречались с предлогом В, а города достаточно регулярно употреблялись с предлогом НА, что, по ее мнению, особенно касалось городов с названиями женского рода (Станишева 1966: 102-103). Однако другие исследователи (Ломтев, например) отмечали употребительность НА и при названиях мужского рода (см. об этом в Болдырев (1982: 75)), что, забегая вперед, подтверждает и наш анализ памятников письменности. В целом, по мнению исследовательницы, в древнерусский период эти предлоги использовались без четкого разграничения, смешиваясь зачастую, причем эта неупорядоченность сохранялась и в XIX веке. Однако примеры, которые она приводит, отражают различные когнитивные ситуации, а значит, о смещении здесь можно говорить только с современных позиций, что противоречит ее историческому методу исследования.

Станишева отмечает и в диалектах расхождения с литературной нормой “по составу имен существительных, поступающих в распоряжение од-

ной из двух синтаксических конструкций” (Станишева 1966: 238). Но приводимые ею примеры относятся к концу XIX – началу XX века и являются совершенно не актуальными для современного состояния.

В итоге Станишева приходит к выводу, что для современного периода конструкции с В и НА можно рассматривать как лексико-комбинаторные варианты одной синтаксемы, поскольку “тождественность выражаемых ими отношений не вызывает сомнения” (Станишева 1966: 237-238).

Возникает, однако, несколько вопросов. Если отношения тождественны, то для чего тогда носителю языка два разных предлога, которые при этом являются вариантами друг друга? И как носитель языка определяет, когда какой предлог надо употреблять?

Павлова в работе «Пространственные конструкции в древнерусском языке в сопоставлении с древнеболгарским языком» (1977) делает попытку последовательного анализа случаев употребления предлогов В и НА на протяжении древнего периода существования письменного языка, что заставляет ее обращаться к малочисленным памятникам, как правило, дошедшим до нас в более поздних списках, а это делает ее выводы в некоторых случаях сомнительными. Как и Станишева, Павлова указывает на четкие семантические различия между В и НА: в инклюзивном значении – В, в значении контакта с поверхностью – НА. Однако предлог НА употребителен также и при названиях стран, сторон света, рек, озер, морей и т.д., когда признак касания или контакта не проявляется столь очевидно (Павлова 1977: 167). Автор, приводя подробный список локумов, употребляемых с предлогами В и НА, подчеркивает, что их набор практически совпадал в обоих языках. Обращая внимание на вариативность, которая также имела место в обоих языках, Павлова отмечает, что данные предлоги регулярно выступали в функции синонимов при *земля, страна, свет, место, гора, двор, море*. В редких случаях в древнерусских текстах В и НА конкурировали в конструкциях с зависимым словом, имеющим признак внутреннего пространства (например, *монастырь* или при названиях стран, областей и городов). При этом предлог В выражал направленность вовнутрь, а НА – направленность без уточняющих признаков (Павлова 1977: 171-172).

Если это вполне вероятно для древнеболгарского языка, то для древнерусского подобные утверждения представляются безосновательными, поскольку анализ материала, которым располагаем мы и который частично привлечен самой исследовательницей (новгородские грамоты, Лаврентьевская летопись), свидетельствует об ином.¹

Попова, отмечая в русском литературном языке XVII века факт вариативного употребления предлогов В и НА при таких локумах, как *поле*, *степь*, *место*, а также больших площадях и массивах, считает, что оно связано не столько с нерасчлененными функциями самих предлогов, сколько с меняющимися пространственными представлениями о населенных пунктах и больших пространствах по мере освоения их человеком (Попова 1969: 83).

Это замечание, на наш взгляд, крайне интересно и правомерно, однако его дальнейшая разработка оставляет в недоумении:

... города из селений, стоявших на берегу реки, окруженных высокими стенами, – отсюда формы *с* + род. падеж, *на* + вин. падеж, *на* + предл. падеж – превращались в объекты объемные, имеющие внутреннюю часть; земельные участки, напротив, из беспредельных пространств имевших неведомую глубину, – в плоские поверхности и т.д. (Попова 1969: 83)

Не совсем понятно, о каких беспредельных, превращаемых в плоские поверхности земельных участках говорит автор. Забегая вперед, отметим, что беспредельные пространства так и остались беспредельными, а малые участки поверхности всегда ассоциировались с плоскостями-опорами.² Города и селения, окруженные стенами и оградами (разной высоты), на протяжении всего Средневековья не переставали осмысляться как объемы.

Ошибочным представляется и следующее утверждение:

Что же касается употребления падежных форм с прямым пространственным значением от существительных, обозначающих наглядные, с определенной формой пространственные объекты, то оно на всем протяжении развития русского языка представляется устойчивым и неизменным. (Попова 1969: 83)

Если же мы обратимся к изысканиям предшественников, частично приведенным выше, то увидим, что они свидетельствуют об обратном.

Таким образом, мы видим, что в отечественных диахронных исследованиях по предлогам нет работ, в которых, во-первых, на широком историческом материале было бы детально исследовано употребление В и НА в локативных контекстах, а во-вторых, было бы найдено удовлетворительное объяснение широкой вариативности данных предлогов при различных пространственных объектах.

3 Практически такую же картину мы встречаем и в зарубежных работах, касающихся материала некоторых западноевропейских языков и затрагивающих проблему вариативности локативных предлогов в диахронии. Так, исследуя письменные свидетельства на древнеанглийском языке, Lindkvist указывает на то, что в ситуациях движения к локуму и нахождения в нем колебания в употреблении касались предлога *at* 'у'/'в'/'на', с одной стороны, и *in* 'в' и *on* 'на', с другой. Высокая употребительность *at* отмечена в случаях огороженного пространства (*enclosure*) и нахождения внутри различных локумов, т.е. в случаях, ныне не характерных для данного предлога. Области, города, деревни и графства, например, сочетались с предлогом *at* (Lindkvist 1978: 12), который в среднеанглийский период и позже распространяет сферу своего употребления и на страны, что для предшествующего периода было не характерно (Lindkvist 1978: 26). Употребление *at*, по мнению исследователя, при названиях далеких и экзотических стран оказывалось возможным, поскольку они представлялись не столько обширными областями, сколько точками-ориентирами на географической карте.

Датский ученый Lundskær-Nielsen отмечает, что в ранний период английский предлог *in* прежде всего связывался с внутренними пространствами, например, зданий, а с городами, странами, графствами, лесами, замками и т.д. встречался прежде всего *on*. Предлог *at* обыкновенно употреблялся только с городами. Постепенно, однако, употребительность *in* возрастала, что вело к конкуренции предлогов при одних и тех же локумах

(Lundskær-Nielsen 1993: 96-101).

Вариативность голландских предлогов *in* 'в' и *op* 'на' обсуждается в работе Heestermans, который отмечает, что переход *in* в *op* хорошо известен в древненидерландском, в то время как переход *op* в *in* – явление довольно позднее (Heestermans 1979: 29, 45). Ссылаясь на Lindkvist, автор объясняет колебания в употреблении обоих предлогов различиями в интерпретации, хотя и не оговаривает, что он под этим понимает. Вариативность *in* и *op* особенно хорошо прослеживается на традиционной сочетаемости данных предлогов с различными топонимами, в основе которых лежат ассоциации с конкретными пространственными объектами.³ Все разнообразие случаев употребления предлога *op*, например, можно свести к нескольким подгруппам: локумы, изолированные в пространстве (*острова*); локумы, возвышающиеся над окрестностями (*горы, холмы, башни, мельницы, дамбы*); и открытые, удаленные пространства (*болота, луга, хутора, леса, поместья, дороги*) (Heestermans 1979: 131-132). Подобные явления отмечены как в литературном языке, так и в диалектах.

Таким образом, вариативность предлогов, указывающих на движение к локуму и нахождение в нем, была присуща не только русскому, но и другим европейским языкам, и свидетельствует об определенном этапе развития когнитивных представлений о пространстве и их отражении в языке.

4 Как правило, анализ случаев современного употребления предлогов В и НА с различными локумами входит лишь главой в обширные обзорные исследования по предлогу,⁴ а потому здесь, как и в работах по диахронии, описываются наиболее регулярные случаи употребления и перечисляются наиболее известные группы пространственных объектов (см. Бондаренко 1961; Попова 1969; Астафьева 1974; Болдырев 1982).

В этой связи приятным исключением является работа Wade (1983), который приводит огромное количество контекстов. Однако из массы примеров совершенно не вырисовываются конкретные пространственные представления, закрепленные за локумами.

Заслуживает особого упоминания и исследование Золотовой, обобщен-

ное в ее *Синтаксическом словаре*, в котором автор, исходя из функциональной типологии синтаксем, приводит разнообразнейший репертуар случаев употребления предлогов В и НА при различных пространственных объектах в функции директивов и локативов (Золотова 2006: 159-162, 189-191, 296-301, 323-326).

- В 80-90-ые годы двадцатого столетия появляются работы, нацеленные на анализ всей совокупности локативных отношений в русском языке. В этом плане интересно одно из первых фундаментальных исследований по этой проблеме Всеволодовой и Владимирского (1982), на которое часто ссылаются другие исследователи. Авторы в рамках дескриптивного семантико-синтаксического подхода попытались описать отношения, которые возникают между локализуемым объектом и локумом.

Во-первых, они различают ситуации статичности и динамичности:

Сема статичности предполагает неизменное по отношению к локуму пространственное расположение предмета, что находит наиболее яркое выражение в отношениях местонахождения предмета и локума... Причем отношения местонахождения отнюдь не означают неподвижности предмета, а охватывают также случаи движения, перемещения предмета в пределах пространства... (Всеволодова, Владимирский 1982: 13)⁵

Во-вторых, существенным, по их мнению, оказывается противопоставление предметных локумов пространственным. Такие предметные локумы, как *шкаф* или *стена* допускают нахождение предмета как внутри, так и на поверхности одной из граней или сторон. Пространственные же объекты (*степь*, *Урал* или *Крым*) имеют только одну возможность, а именно, нахождение предмета в пределах локума. Поэтому можно сказать как *в шкафу*, так и *на шкафу*, но только *в степи* или *на Урале* (Всеволодова, Владимирский 1982: 13). Таким образом, конкретная соппространственность допускает противопоставление внутреннего объема внешней поверхности, а общая соппространственность допускает только нахождение предмета в пределах локума (Всеволодова, Владимирский 1982: 30).

Остается, однако, непонятным, к какой категории (предметных или

пространственных локумов) относить *поле, двор, гофа* и т.д., которые употребляются, в зависимости от интерпретации ситуации, с обоими предлогами; и каковы отношения между подобным локумом и локализуемым объектом (конкретная ↔ общая сопространственность).

Говоря о способах выражения общей сопространственности, авторы дают подробный список всех групп и подгрупп локальных объектов, для которых характерен этот тип отношений, что позволяет сосредоточиться на менее известных случаях, увидеть особенности и специфику некоторых пространственных объектов. Однако объединение в одну группу локумов на основе их денотативного значения ведет к тому, что, с одной стороны, не учитывается конфигурация многих локальных объектов и их функциональное предназначение (так, в одной подгруппе оказываются, например, *лес и парк, пригород и переулок, порт и рынок*), а с другой – многие факты подаются как исключение (например: *в России, но на Украине*).

Болдырев (1982) одним из первых обратил серьезное внимание на смешение предлогов В и НА в русской разговорно-обиходной речи при различных пространственных объектах, диапазон которых в количественном отношении представляет собой незамкнутый ряд. Подобное параллельное функционирование предлогов в однотипных локально-обстоятельственных отношениях он рассматривал не как языковую безграмотность или погрешность против нормы (подобная точка зрения была характерна для специалистов по культуре речи), а как отражение свойственного русскому языку более ранних эпох и до сих пор не исчезнувшего функционально-семантического смешения сочетаний предлогов В и НА с именем в винительном и предложном падежах, которое он исторически связывал с древней восточнославянской, а ныне с общерусской тенденцией недифференцированного лексико-грамматического употребления В и НА в глагольно-именных конструкциях при передаче определенных локально-обстоятельственных отношений (Болдырев 1982: 69).

Однако, как нам представляется, именно стремление к дифференциации локативных отношений заставляет носителя языка прибегать к помощи предлога, не характерного для нормативной/традиционной интерпре-

тации некоторой ситуации, но подчеркивающего, по его мнению, специфику данной ситуации.

Исследуя функциональное смешение предлогов В и НА при локумах в ситуации русско-украинского языкового сосуществования, Болдырев считает, что появление таких конструкций, как *пойти в рынок* (вместо *на рынок*), отражает влияние украинского языка, в котором сочетание предлога *в/у* с винительным падежом, постепенно сужая сферу своего употребления, все чаще встречается только при указании на движение с целью проникновения в пределы (ср. с польским языком), что остается невыраженным в русском языке. За счет этого постоянно расширяется сфера функционирования предлога НА, когда выражения типа *идти на коридор* (вместо *в коридор*) становятся все более употребительными (Болдырев 1982: 91).

Поскольку данный вывод не подтвержден никакими статистическими данными, с ним сложно согласиться.

Таким образом, подводя итоги, отметим, что

- ни в одной из работ не дано всестороннего анализа языкового материала, который бы охватил значительное количество письменных памятников и фиксаций разговорной речи, относящихся ко всему периоду существования русского языка, как на уровне нормы, так и на уровне диалектов, и который бы детально исследовал как синхронию, так и диахронию русского языка;
- в основу анализа конкретных случаев кладется зачастую один какой-нибудь подход, что ограничивает возможности представления всей системы в целом и в частном, а это ведет к тому, что случаи, которые невозможно объяснить с точки зрения данного подхода, отбрасываются, интерпретируются наивно или же представляются как исключения;
- выводы зачастую поверхностны, носят скорее констатирующий характер и не обладают предсказательной силой.

2.2 О подходах когнитивной семантики

Как нам представляется, в рамках дескриптивных исследований, исследований по функциональной грамматике и компонентному анализу нельзя построить целостной системы пространственных категорий и концептов, как не возможно найти и до конца удовлетворительного объяснения явлению вариативного (а порой и обратного) употребления предлогов В и НА при различных локумах. На наш взгляд, это явление в большей степени связано с особенностями представлений носителя языка о форме конкретных пространственных объектов, их расположении и взаимодействии в пространстве, а также их концептуализации и репрезентации в языке, чем со спецификой функционирования предложно-именных конструкций в локально-обстоятельственном значении. Поиску удовлетворительного решения выше указанных проблем может помочь подход, при котором важную роль играют именно когнитивные представления человека о некоторых фрагментах и объектах действительности, способы их ментального осмысления и языкового выражения, одним из проявлений которых может считаться актуализация пространственных форм и их функционального взаимодействия с помощью различных предлогов.

1 Учет параметров мерности пространственных объектов прозвучал уже в работах ученых, не связанных с когнитивной парадигмой (см., например, Ходова (1971), Bennett (1975), Lindkvist (1978)). В когнитивной же семантике эти идеи нашли свое отражение в *геометрическом* подходе к анализу локативных отношений, который учитывает пространственные параметры объектов (их длину, ширину, глубину и высоту).

Из идеи трехмерности исходит, например, Hawkins, исследуя структуру категории MEDIUM, куда входят объекты, способные сочетаться с предлогами *in* 'в', *out* 'из', *into* 'в, вовнутрь' и *through* 'через'. С MEDIUM соотносятся категории SURFACE, CHANNEL и NODE с центральным ассоциативным принципом, соответственно, двухмерности, одномерности и нулевой мерности (Hawkins 1988: 248). Члены ядра категории MEDIUM могут иметь или не иметь границ, быть полностью или не полностью замкнутыми, полыми и

даже плоскими. Если трехмерные замкнутые объекты все-таки входят в центр категории, то все иные так или иначе ограниченные в пространстве объекты (bounded objects) соотносятся с периферией. Поэтому употребление предлога *in* в выражениях *in the circle* 'в круге' или *in the aisle* 'в проходе' совершенно оправдано (Hawkins 1988: 257). В категорию MEDIUM входят и различные географические пространства (*in America, in Moscow*), а через их посредничество и неограниченные участки земли, например, *in the desert* 'в пустыне', несмотря на двухмерность. По Hawkins, категорию MEDIUM можно представить как многоуровневую структуру, где наиболее удаленные члены связаны с центром посредством различных зависимых ассоциативных принципов (DAP, dependent associative principles) (Hawkins 1988: 258-263).

Однако их формулировка, на наш взгляд, несколько запутана и мало что проясняет в вопросе.

Подобный подход к анализу материала вызвал у целого ряда исследователей возражения, которые сводятся к следующему. Если центральным признаком категории MEDIUM считается «мерность», почему работа в основном посвящена признаку «наличия/отсутствия границ» у объектов (т.е. топологическому аспекту)? Если центр категории представлен трехмерными ограниченными объектами, то почему в него попадают и неограниченные трехмерные объекты? Почему признак «ограниченности» признается важнейшим именно для трехмерных объектов, когда двухмерные и даже одномерные объекты также могут быть ограниченными и т.д.? (См. дискуссию по этому вопросу у Vandeloise (1994: 161-165), Филипенко (2000: 15).)

На геометрический подход опирается и анализ французского предлога *dans* 'в' немецкой исследовательницы Hottenroth, которая отмечает, что данный предлог употребляется с объектами самой разной конфигурации, за исключением тех, которые могут осмысляться в виде точки. Однако центр категории образуют трехмерные, полые, со всех сторон ограниченные в пространстве релятумы (Hottenroth 1991: 86). Hottenroth выделяет типы употребления предлога, основываясь на различных комбинациях од-

них и тех же признаков: «мерность», «ограниченность» (полная, частичная, отсутствие таковой), «заполненность/плойсть», «релевантность» границ, объема, поверхности и т.д. Переход от одного типа к другому осуществляется с помощью *Verarbeitungsprinzipien* ('принципов обработки/переработки', т.е. ментальной манипуляции), куда относятся *Gestaltschliessung* (домысливание вертикальных границ), ментальное наложение границ и сведение объемов к горизонтальным поверхностям (Hottenroth 1991: 102-103, 106-107).

В итоге, исследовательница выделяет девять типов релятумов (Hottenroth 1993: 190-202):

- *трехмерные, ограниченные, полые* (составляющие ядро категории);
- *трехмерные, частично ограниченные, полые* (принцип *Gestaltschliessung*);
- *трехмерные, ограниченные, заполненные субстанцией*;
- *трехмерные, неограниченные, заполненные субстанцией* (принцип ментального доммысливания границ);
- *проекции трехмерных границ на двухмерные* (принцип наложения трехмерных пространств);
- *проекции трехмерных границ на одномерные* (принцип наложения трехмерных пространств);
- *трехмерные, ограниченные, релевантна только плоскость* (принцип сведения объемов к плоскостям);
- *двухмерные, частично ограниченные или неограниченные*;
- *одномерные*.

Сравнение результатов Hawkins и Hottenroth обнаруживает, что с признаком «мерности» дела обстоят не так просто, как может показаться. Так, географические регионы у Hawkins двухмерны, хотя и относятся к периферии категории MEDIUM посредством зависимых ассоциативных принципов, у Hottenroth же они трехмерны (принцип сведения объемов к плоскостям), что и нам представляется более приемлемым.

2 Второй подход получил название *топологического*, поскольку исходит из особенностей формы и внешних очертаний объектов. Herweg, например, пытаясь определить немецкий предлог *in*, замечает, что ситуация $X \text{ in } U$ возможна, если место X -а, включающее его материальную часть и пустоты, представляет собой часть места U -а, включающего его материальную часть и пустоты (дается по Vandeloise 1994: 167). Таким образом, Herweg вводит понятие релевантных пустот, хотя нигде не дает топологического определения ни этих пустот, ни формы U -а.

Далее, автор пытается установить набор типичных ситуаций, когда взаимное расположение объектов удовлетворяет условиям $X \text{ полностью в } U$. Он считает, что предложение *Цветы в вазе* описывает ситуацию, в которой цветы полностью или частично находятся в вазе, однако *Машина в гараже* соответствует ситуации, когда машина полностью находится в гараже. Из этого он делает вывод, что идея «содержащее/содержимое» обязательно должна присутствовать в описании предлога *in* (см. Vandeloise 1994: 171).

Эту же мысль мы встречаем и в статье Селиверстовой (2000), которая считает, что артефакту принадлежат только те впадины и пустоты, которые связаны с его функциональной предназначенностью. Поэтому углубление в чашечке рюмки рассматривается как принадлежащее данному артефакту, поскольку оно способно выполнять функцию «содержащего», а углубление (контур кривизны) на стыке так называемого внешнего пространства и ножки рюмки не считается внутренней частью артефакта и функционально с ним не связано (Селиверстова 2000: 192-193).

Топологический подход, обратив внимание на проблемы интерпретации впадин, пустот, внутренней части, внешних очертаний поверхности и т.д., позволил объяснить правомерность языковой интерпертации целого ряда когнитивных ситуаций (например, *в кругу*, *картина в раме*, *в дверном проеме*), которые не возможно описать в рамках геометрического подхода (Селиверстова 2000: 193).

Однако оправданность использования математического термина «топология» при анализе языковых значений вызвала у некоторых ученых серьезные сомнения. На определенное несоответствие значения предло-

гов *in* и *on* и математических понятий обращал внимание Talmy, который отмечал, что *in* не показывает, замкнута ли изогнутая поверхность полностью или же оставлено некоторое отверстие, является ли кривая линия сплошной или нет и т.д. (Селиверстова 2000: 191-192). Наблюдаемые различия заставили Vandeloise (1994) в конечном счете отказаться от использования топологического подхода.

3 На стыке двух подходов находится исследование Herskovits, которое до сих пор не потеряло своего значения. Не отказываясь целиком от геометрического подхода, автор правильно замечает, что описание значения локативных единиц только через геометрические отношения зачастую не отражает действительного положения дел (мы говорим, например, «Улисс» *на столе* в то время, как книга лежит на стопке других книг и не касается непосредственно самого стола) и не объясняет многих ограничений в языковом выражении (например, почему можно сказать, *дом за церковью*, но не *церковь перед домом*) (Herskovits 1988: 274-276).⁶

В своей работе исследовательница дает описание наивной картины пространства, которой мы руководствуемся в повседневной жизни. Так, человек исходит из того, что пространство трехмерно, изотропно и соответствует законам Евклидовой геометрии. Земля неподвижна и безгранична. Над земной поверхностью пустое пространство, под землей неизведанные глубины. Земля служит опорой для материальных объектов различной плотности и формы, которые занимают некоторое место в пространстве. Жидкие субстанции могут находиться в состоянии покоя или движения, но всегда пребывают в некоем объеме, и их поверхность горизонтальна поверхности земли. Форма некоторых объектов может быть менее определенной, это касается воздуха, облаков, тумана и т.д. Свет и темнота не материальны, но все равно обладают некоторой формой (Herskovits 1986: 27). Благодаря этому каноническому, по словам самой исследовательницы, описанию мира, мы в процессе общения исходим из многих допущений, которые облегчают наш контакт. Так, в предложении *Стул находится позади стола* мы исходим из общеизвестного факта, что земля

служит опорой для обоих объектов, а потому не выражаем этого смысла вербально и т.д.

Развивая идею различных допущений, Herskovits говорит о допустимом искажении пространства (*tolerance space*), представляющем собой некую геометрическую идеализацию конкретных форм и расстояний: некоторые объекты в определенных условиях могут видаться как точка, другие – как линия, третьи – как поверхность. Подобные допущения базируются на нашем знании о мире реальных вещей и их взаимодействии между собой и с человеком:

An object can be described as a point if viewed as from a great distance, and if there is no 'great' disparity between its various dimensions.

An object can be described as a line if viewed as from a great distance, and if one of its dimensions is conspicuously greater than the two others.

An object can be described as a surface if viewed as from a great distance, and if one of its dimensions is conspicuously smaller than the two others. (цитируется по Cienki 1989: 30)

Кроме того, объект может концептуализироваться как поверхность даже тогда, когда он обладает впадинами и неровностями, только если эти впадины и неровности несравненно меньшего размера, чем сам объект (цитируется по Cienki 1989: 64).

Обращаясь к исследованию структуры категории предлогов *in* и *on*, Herskovits говорит об идеальном значении, которое нельзя смешивать с прототипом.⁷ Весь набор употреблений предлога подразделяется на типовые употребления или функциональные типы. Такие факторы, как выпуклость, релевантность/профилирование, допустимые отклонения и типичность, влияют на выбор и интерпретацию локативных выражений (Herskovits 1988: 273). При анализе предлогов исследователь должен опираться на четыре класса пространственных концептов: топологический (контакт, совпадение, пересечение/частичное наложение, граница, внутреннее пространство); геометрический (точка, линия, поверхность); физический (опора, присоединение); метрический (близость, соприкосновение/наложение) (Herskovits 1986: 55).

Не отрицая важности учета геометрических параметров, Herskovits подчеркивает, что понятие внутреннего пространства (*interior*) должно трактоваться топологически:

The interior is not the difference between the convex closure of a body and the space occupied by the body itself, since the outer boundary of an object may have concavities which are part of the closure but not of the interior. (цитируется по Cienki 1989: 28)

А понятие опоры (*support*) не должно подменяться понятиями контакта или поверхности (Herskovits 1986: 141-142).

Наиболее идеальными образцами полного включения, по мнению исследовательницы, являются контейнеры-вместилища. Основываясь на английских примерах, Herskovits выделяет чашеобразные (*cup-like*), трубкообразные (*tube-like*) и угообразные вместилища (Herskovits 1986: 149-150). Однако для человека релевантными оказываются не только видимые границы объемов, но и невидимые, которые он достраивает или накладывает на неограниченное пространство. Известнейший пример Herskovits, долгое время вызывавший дискуссии, – груша, находящаяся в вазе. Исследовательницу интересовало, можно ли продолжать говорить о том, что груша находится в вазе, если она лежит не на дне вазы, а на яблоках таким образом, что больше не является частью объема вазы. В подобных случаях, как представляется автору, важно функциональное взаимодействие объекта и места, и, покуда оно сохраняется, правомерно говорить о нахождении X-а в Y-е (Herskovits 1986: 44). Важность функционального подхода Herskovits демонстрирует и на примере *лампа в патроне*. Хотя визуально лампа и находится под патроном, мы, опираясь на принцип релевантности, выбираем такое описание ситуации, которое наиболее точно соответствует нашим представлениям о взаимодействии объектов (Herskovits 1988: 288).

Анализ различных примеров, когда выбор английских предлогов *in* или *on* не возможно объяснить только с помощью идеи контакта или границы между внутренним и внешним пространством, позволяет исследовательнице указать на релевантность признака «содержащее/содержимое» (Herskovits 1988: 287), т.е. критерия функциональности.

С помощью функционального подхода Herskovits описывает значение предлога *at* в *Jim is at his desk* ('Джим у себя за столом/у своего стола'), где подчеркивается непосредственная близость и контакт между человеком и локализатором-артефактом (Herskovits 1988: 291).⁸

Анализ голландского предлога *in* 'в', предложенный бельгийским исследователем Суускенса, опирается в основном на геометрический и топологический подходы. Он считает, что концепты «огороженность» (*enclosure*), «включение» (*inclusion*) или «содержащее» (*containment*), предложенные другими исследователями, являются лишь частными случаями более общего концепта «совпадение» (*coincidence*), выражаемого предлогом *in*. Так, *enclosure* покрывает лишь те случаи, где релятум *У* представляет собой пространственную сущность с четкими границами, а значит такие случаи, как *машина в тумане* или *оазис в пустыне* остаются в стороне, поскольку здесь релятум не имеет четко обозначенных границ. С помощью понятия *inclusion* тоже не возможно адекватно описать случаи отношений локализуемого объекта *Х* и двухмерного релятума *У*. По мнению Суускенса, только понятие *coincidence* описывает все случаи употребления предлогов *in* 'в' и *op* 'на' (Суускенс 1993: 41-42).

Автор не пытается дать единого и исчерпывающего определения предлога *in*. Он считает, что пространственные конфигурации *У*-а строятся по принципу фамильного сходства, т.е. представляют собой совокупность нескольких серий взаимосвязанных и соотносимых друг с другом признаков. При этом хотя бы один признак должен быть общим для нескольких таких серий (Суускенс 1993: 44).

Для определения пространственных конфигураций *У*-а исследователь использует термин *MEDIUM*, предложенный Hawkins. Суускенс выделяет следующие типы *MEDIUM* (Суускенс 1993: 54-55):

- *трехмерные, ограниченные, пористые* релятумы (машина, аэропорт, вилла, улица, объятия);
- *трехмерные, ограниченные, непористые* релятумы (палец, огонь, порода);

- *трехмерные, неограниченные, пористые* релятумы (туман, облака, воздух, вселенная);
- *трехмерные, неограниченные, непористые* релятумы (вода, пыль);
- *двухмерные, ограниченные* релятумы (лицо, деревня, город, Англия, поле, порт);
- *двухмерные, неограниченные* релятумы (мир).

Однако автор нигде не дает определения того, что он понимает под трехмерным/двухмерным, ограниченным/неограниченным, пористым/непористым MEDIUM. Из-за этого совершенно непонятными остаются критерии отнесения конкретных релятумов к тому или иному типу. Например, вызывает некоторое удивление обозначение *объятий* и *тумана* как пористых релятумов, в то время как *огонь* отнесен к непористым. Не совсем понятно, почему *улица* трехмерна, а *город, деревня* и *мир* двухмерны и т.д.

По утверждению Cuyskens, различные реализации категории MEDIUM связаны между собой не на основе принципа идентичности, а на основе принципа сходства (similarity). Данная категория представляет собой смешение сетевых (признак трехмерности разделяется всеми трехмерными конфигурациями) и цепочных структур (признак ограниченности разделяется как трехмерными, так и двухмерными релятумами, не связанными, однако, между собой напрямую) (Cuyskens 1993: 59).

Границы категории MEDIUM размыты (fuzzy), поскольку не всегда возможно с достаточной уверенностью однозначно определить геометрическую форму релятума, как не всегда удастся безошибочно обозначить случаи совпадения X-а и Y-а (Cuyskens 1993: 62).

По мнению исследователя, наиболее прототипическими отношениями, описываемыми голландским предлогом *in*, можно назвать отношения между локализуемым объектом и релятумом, представляющим собой трехмерный, ограниченный, пористый MEDIUM с ярко выраженным вертикальным измерением (Cuyskens 1993: 63).

4 Идеи функционального взаимодействия содержащего и содержимого, выдвинутые Herskovits, были подхвачены и развиты Vandeloise, который сформулировал третий, *функциональный* подход в изучении локализуемого объекта и релятума.

Так, один и тот же рисунок (довольно схематичный) можно рассматривать как лампу в патроне и бутылку под крышкой. Однако предложение *La lampe est dans la douille* 'Лампа в патроне' допустимо, а предложение **La bouteille est dans le capuchon* 'Бутылка в крышке' нет, несмотря на сходство формы и расположения нарисованных предметов относительно друг друга. Таким образом, дело оказывается не в форме, а в функциональной нагрузке У-а относительно Х-а: У должен играть роль места, детерминирующего позицию Х-а (Vandeloise 1994: 170-171).

Если для предлога *in/dans* 'в' релевантным оказывается отношение «содержащее/содержимое» (containment/contained), то для предлога *on / sur* 'на' – «носитель/носимое» (bearer/burden). Как считает Vandeloise, эти отношения носят внеязыковой или априорный по отношению к языку характер, что подтверждается экспериментами с детьми, во время которых вне зависимости от словесных инструкций дети предпочитали помещать предметы в контейнеры, а за неимением таковых – на возвышающиеся поверхности (Vandeloise 1994: 172).

По Vandeloise, отношение «содержащее/содержимое» имеет следующие характеристики: потенциальное содержимое перемещается по направлению к потенциальному содержащему; содержащее контролирует позицию содержимого; содержимое полностью или частично заключено в содержащем (Vandeloise 1994: 173). Идея контроля позиции содержимого содержащим может проявляться по-разному: когда движение содержащего аналогично движению содержимого (*вода в стакане*), когда содержащее ограничивает движение содержимого (*заключенный в камере*) или когда содержащее и содержимое неподвижны, причем содержащее препятствует доступу к содержимому извне (Vandeloise 1994: 171-172).

В отличие от геометрического и топологического подходов, где значения предлога описываются через многоуровневую структуру различных

концептов, зависящих друг от друга, здесь все сводится к одному базовому концепту (комплексному примитиву), что позволяет, как считает сам автор, решить многие проблемы выше описанных подходов. Во-первых, исчезает различие между полным и частичным включением (*inclusion*), поскольку внимание обращено не на форму объектов, а на взаимодействие содержащего и содержимого. Во-вторых, предпочтение в употреблении предлога *in / dans* при трехмерных объектах объясняется тем, что содержащее, как правило, трехмерно. В-третьих, различие между двухмерными и трехмерными объектами снимается, если учесть наложение ограничения на перемещение содержимого в пределах содержащего. В-четвертых, поскольку отношение «содержащее/содержимое» основано на принципе семейного сходства, одной из характеристик этого отношения достаточно, чтобы мотивировать употребление предлога *in / dans* (Vandeloise 1994: 175).

По мнению автора, отношение «содержащее/содержимое» можно уточнять по мере надобности, поскольку в разных языках могут оказаться релевантными разные характеристики содержащего и содержимого.

2.3 Исследования по локативным отношениям в рамках когнитивной парадигмы на материале русского языка

1 Одной из первых работ в рамках когнитивной парадигмы, привлеченной славянский материал, явилось исследование американского ученого Alan Cienki *Spatial Cognition and the Semantics of Prepositions in English, Polish, and Russian* (1989). Опираясь на геометрический подход, он проводит сопоставительный анализ выражения пространственных отношений на материале английского, польского и русского языков. Ссылаясь на других исследователей, в том числе и на Всеволодову (1982), он различает прямую, т.е. непосредственную, и непрямую, т.е. опосредованную, локализацию (ср. с сопостранственностью у Всеволодовой (1982: 13, 30)). Все локализаторы (*localizer*) у него подразделяются, в зависимости от геометрической формы, на двухмерные, обладающие плоской поверхностью и горизонтальными границами, трехмерные, обладающие внутренним пространством

(interior), и одномерные, сравнимые с линией или точкой. Для двухмерных локализаторов важны опора и контакт, для трехмерных – включение.

Cienki указывает на связь между различиями в представлениях о локумах в рассматриваемых языках и принятыми в языках конвенциями. Так, *lug*, например, в английском видится как объем, а в польском и русском – как некая плоскость, *пустыня* представляет собой в английском и русском языках замкнутое пространство, а в польском – плоскость (Cienki 1989: 71-74). Говоря о вариативности, автор останавливается прежде всего на примерах из польского языка, где употребление *w* и *na* при одних и тех же пространственных объектах характерно не только для разговорной речи (как в русском), но и для нормы. Употребление *w sali* ‘в зале’ и *na sali* * ‘на зале’ зависит от того, на чем сфокусировано внимание: на целостном объеме или на опорной поверхности (Cienki 1989: 84). Однако контекстов употребления, иллюстрирующих мысль автора, не приводится.

Сопоставляя различия между языками, Cienki констатирует, что, во-первых, в польском и русском нет прямого эквивалента английскому *at*, поскольку форма локума в этих языках должна обязательно профилироваться. Во-вторых, в русском и английском языках признак «касание/контакт» передается одним предлогом *na / on*, а в польском тремя: контакт с границей локализатора – *na* с локативом, контакт с боковой границей локализатора-поверхности или линии – *przy* с локативом, контакт с точкой – *u* с генитивом. В-третьих, осмысление внутреннего пространства (interior) двухмерных локумов также разнится между языками: в польском необходимо представление о четкой границе, в английском – о границе и периферии, а русский язык, по мнению исследователя, занимает срединное положение (Cienki 1989: 128-130).⁹

Главная проблема в изучении иностранного языка и при переводе, как считает Cienki, заключается в том, что зачастую неизвестны особенности категоризации объектов-локализаторов, и этому должны быть посвящены будущие исследования (Cienki 1989: 130).

Заслуга Cienki, применившего когнитивный аппарат на материале русского языка, безусловно, велика. Однако исследование, на наш взгляд,

страдает рядом недостатков: в нем отсутствует подробное описание набора локумов и пространственных категорий, характерных для анализируемых языков, приводимые различия не дают системной картины, все рассуждения ограничиваются несколькими примерами, порой просто некорректными и заимствованными, как правило, из других работ.¹⁰

2 В традициях когнитивной семантики выполнены и частные исследования, посвященные развернутому анализу интересующих нас предлогов (см. Pola 1995; Селиверстова 2000). Наиболее интересной в этом плане представляется статья Селиверстовой «Семантическая структура предлога НА», в которой автор исходит из топологической трактовки предлога НА, где предпочтение отдается описанию в терминах внешних очертаний (поверхности), а не мерности. Это гораздо лучше объясняет, по мнению исследовательницы, употребление предлога НА при локумах, представляющих собой двухмерный объект, от способа осмысления которого и зависит выбор предлогов В и НА. Такой способ представления приводит к выделению в рамках двухмерного пространства внешнего контура и внутренней плоскости, само же наличие границ не влияет на выбор между НА и В (ср., *на футбольном поле, но в степи*) (Селиверстова 2000: 194). Из этого утверждения, однако, не становится понятным, чем отличается внешний контур от границы, каковы отношения между локализуемым объектом и внутренней частью релятума и как должно интерпретировать конкретные примеры (с футбольным полем, степью и т.д.).

Останавливаясь на сложностях соотнесения именных групп с предлогом НА и денотативных ситуаций, исследовательница объясняет подобные факты тем, что семантическая сетка, накладываемая на мир, не точно соответствует делению самого мира: существуют объекты, которые по своим объективным свойствам и в зависимости от восприятия их человеком могут быть осмыслены по-разному. По ее мнению, это прежде всего касается пространственных объектов с параметром кривизны, когда выбор предлога зависит от глубины и величины впадин. Хотя не отрицается и конвенциональность (например, *на Кавказе*) (Селиверстова 2000: 195). По-

добный подход, однако, не может объяснить употребления *на дереве, на чердаке, на почте* и т.д., поэтому автор признается, что иногда приходится вовсе игнорировать геометрическую форму локума (Селиверстова 2000: 198).

Далее исследовательница выделяет наряду с геометрическими пространствами событийные (*быть на работе, ехать на метро, стоять на ветру* и т.д.), которые, сохраняя указание на место, выполняют и иные функции. Сложно не согласиться с автором в том, что их внутренняя форма, первообраз, могут определять выбор предлога, а могут стираться, что ведет к разному осмыслению подобных денотатов в различных языках. Однако конкретные примеры и комментарии к ним представляются нам мало убедительными.¹¹

Несмотря на глубину и детальность анализа, в работе Селиверстовой мы видим те же недостатки, что и в работах других авторов: отсутствие всестороннего системного анализа пространственных объектов, употребляющихся с предлогом *на*, неубедительность комментариев к частным случаям и упор в основном на нормативное употребление.

Таким образом, до сих пор не проведено исследования, в котором бы была представлена в полном объеме пространственная концептуальная система русского языка, были указаны пути дальнейшего расширения и обогащения данной системы, было объяснено, с чем связано явление двойной и обратной концептуализации некоторых локумов и каковы перспективы его развития.

2.4 Разработка новых подходов в исследовании локативных отношений

Продуктивность подходов, разработанных в когнитивной семантике для анализа локативных отношений, очевидна, но специфика русскоязычного материала заставляет исследователя уточнить некоторые аспекты уже существующих методов исследования и разработать новые.

1 Так, *функциональный* подход, предложенный Vandeloise, представляется нам довольно продуктивным, однако при сопоставлении нескольких языков выявляются его слабые стороны. Несмотря на одни и те же отношения между релятумом и локализуемым объектом (их взаиморасположение и взаимодействие), подход «содержащее/содержимое» не может объяснить, почему в английском языке говорят *cows in the meadow*, а в русском – *коровы на лугу*. Поэтому в интересах нашего исследования и учитывая специфику взаимодействия локализуемого объекта и релятума/локума, содержание данного подхода необходимо несколько уточнить.

Под *функциональным* подходом мы в первую очередь будем понимать учет взаимодействия человека или локализуемого объекта с некоторыми фрагментами обжитого и освоенного пространства, когда не форма и не топология, а именно целенаправленное использование локума и функциональный контакт с последним являются решающими при выборе предлога.

2 Далее, при анализе локативных отношений зачастую недооценивают, а порой и забывают ту роль, которую играет наблюдатель, не только ориентирующий предметы по отношению друг к другу и к себе, но и фокусирующий свое внимание на отдельных фрагментах пространственной сцены или ситуации. Идея перераспределения внимания наблюдателя в когнитивной лингвистике применялась, например, к анализу способов языкового выражения событийных фреймов. В этой связи Talmy ввел термин *windowing of attention*, под которым он понимает отбор и выдвижение на первый план некоторых участков фрейма при опущении других. Так, один и тот же событийный фрейм может получать различные языковые выражения в зависимости от того, что профилируется (Talmy 2001: 258 и далее).

В нашем случае, однако, речь идет не об опускании в языковом выражении некоторых участков событийного фрейма, а о сужении/расширении фокуса внимания наблюдателя, направленного на восприятие локативной сцены в целом, что для некоторых языков (например, русского, польского, украинского, белорусского) является важным фактором в интерпретации отношений между локализуемым объектом и локумом при

неизменном их пространственном положении.

Поэтому нам представляется вполне обоснованным подключение к анализу еще одного, четвертого, подхода, который мы обозначим здесь как *эгофокальный* – при сохранении пространственного соположения объекта и релятума наблюдатель, в зависимости от установки, перемещает фокус внимания, то сужая, то расширяя его.

При расширении в фокус внимания попадает весь локум, т.е. замкнутый в пространстве объем или ограниченная плоскость, что показано на схемах 1 и 2, причем внимание направлено на границы/контуры:

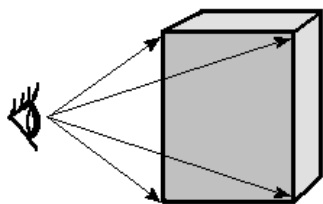

Схема 1. [Охват всего объема]

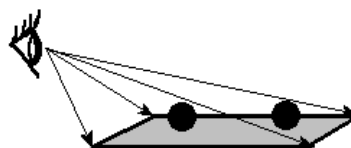

Схема 2. [Охват всей поверхности, включая границы]

При сужении в фокус внимания попадает только часть объема или плоскости, находящаяся в непосредственном контакте с локализуемым объектом, что показано на схемах 3 и 4:

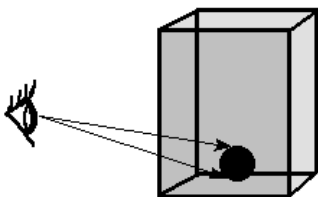

Схема 3. [Фокус направлен на объект на одной из плоскостей объема]

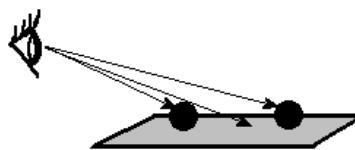

Схема 4. [Фокус направлен на объект(ы) на плоскости]

Возможное употребление предлога НА при локумах-вместилищах объясняется тем, что при сужении в фокус попадает лишь часть объема (чаще всего некоторая плоскость-опора), находящаяся в контакте с локализуе-

мым объектом, поскольку данные локумы состоят из различных плоскостей.

Употребление В при локумах-плоскостях встречается реже. На возможность расширения фокуса внимания, обеспечивающего восприятие такого локума во всей его целостности, влияют такие факторы, как протяженность, (не)замкнутость, рассеянность по поверхности объектов и т.д.¹²

Как нам представляется, для наиболее полного и успешного описания и понимания отношений между локализуемым объектом и релятумом необходимо привлечение всех четырех подходов: геометрического, топологического, функционального и эгофокального.